

М. Грин

Устами Буниных

**Дневники Ивана Алексеевича и Веры
Николаевны и другие архивные материалы. Том
3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М11

М11 **М. Грин**
Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Том 3 / М. Грин –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 222 с.

ISBN 978-5-458-24927-0

ISBN 978-5-458-24927-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Редактируя дневники, я соблюдала особенности правописания авторов и их знаки препинания. Орфография изменена на новую. Подчеркнутое набрано курсивом.

Печатать дневники полностью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов. Пришлось делать сокращения, которые обозначены многоточием и взяты в квадратные скобки, как и редакторские примечания. Фамилии объяснены не все, без объяснения оставлены как некоторые общеизвестные фамилии, так и фамилии людей, лишь мельком упоминаемых.

Милица Грин

Часть четвертая

НА ИСХОДЕ

1934

[Дневника Ив. А. Бунина за 1934 год в архиве нет, возможно, что он записей и не делал. Сохранился только лист с фактическими данными личного характера и следующая переписанная на машинке заметка:]

Летом в Грассе со мной случился у калитки «Бельведера» совершенно неожиданный внезапный обморок (первый раз в жизни): ездил с К. Зайцевым к художнику Стеллецкому, очень устал за день, ничего не ел с утра до вечера и вот, возвратясь в Грасс из Канн в автокаре и поднявшись на гору к этой калитке, вдруг исчез, совершенно не заметив этого, — исчез *весь* в мгновение ока — меня вдруг не стало — настолько вдруг и молниеносно, что я даже не поймал этой секунды. Потом так же вдруг увидел и понял, что лежу в кабинете на диване, грудь облита водой, которую мне бесчувственному давали пить... Внезапная смерть, вероятно, то же самое.

[Записей Веры Николаевны за этот год немного:]

13 февр./31 янв. Вторник.

Значит, я устала, что только сегодня открыла эту тетрадь. [...] Только что ушел от нас иеромонах Иоанн [Шаховской. — М. Г.]. Я не видела его 8 лет. Изме-

нился, просветлел, только голос прежний, такой же чистоты, наивности и прелести. [...] Из Берлина уезжать не хочет. Увлечен Марфа-Мариинской общиной, 2 квартиры — в одной 2 монахини — Марфа и Мария, в другой столовая для детей. Кормят обедами. Мать Марфа имеет дар влиять на души. [...]

Ян сравнительно в добром настроении. С желудком у него лучше. Он стал осторожнее в еде.

Леня [Зуров. — М. Г.] поправился. Много работает. Галя [Кузнецова. — М. Г.] тоже поздоровела после Парижа. [...]

8 марта.

[...] Я еще нездорова. Сердце лучше. По мнению Маана, дело не в сердце, а в нарушении правильного действия секретий. Этим объясняется и моя ненормальная утомляемость. Я ничего не могу делать. [...]

На очереди вопрос о покупке Бельведера. Рукье хочет 87.000. Ян ездит и смотрит. Везде дороже. [...]

21 апреля.

Полтора месяца ни слова. [...] Многое я за этот год поняла. Главное, что никому я собственно не нужна, как я, моя душа. [...]

Из домашней жизни радуется только Леня. Он работает, пишет, иногда мне диктует. Перестал ссориться с Галей. Стал спокойнее и сдержаннее. Но, конечно, его положение трудное. Заработок пустяковый. [...] Галя тоже стала писать, но еще нервна. [...] У нее переписка с Маргой [Степун. — М. Г.], которую мы ждем в конце мая. [...] Ян все мучается и насчет покупки Бельведера. [...]

23/10 апреля.

27 лет моей совместной жизни с Яном. [...] И опять в душе воскрес наш дом в Столовом. [...] Волновало приятно, что направляемся в Святую землю и,

хотя я была тогда далеко от Христа, именно там у меня начался возврат к Нему. [...] К Гробу Господню я подходила и прикладывалась в большом волнении и даже религиозном трепете. Но какое бы я испытала счастье, если бы в те дни жила настоящей жизнью, не отвратила бы лица своего от Господа! Ян порой хорошо говорил о Христе, о Преображении и, пожалуй, он кое-что сделал для приближения меня к Нему. Теперь мы опять не вместе. Он как-то остановился, а мое стремление все вперед и выше к Нему. Но я еще далеко от того, чтобы от всего освободиться.

26 апреля.

Вчера приехал Борис Зайцев. [...] очень родной нам, точно из семьи.

Сейчас около 10 ч. Сошел пить кофе. К нему вышел Ян. Быстро заговорили о Гоголе. Ян вспомнил свою давнишнюю мысль, что Гоголь сжег не вторую часть «Мертвых душ», а то, что не вышло из этой второй части. Ему хотелось писать в ином стиле, неорганически, а это у него не вышло. Ему хотелось стать Данте, Шекспиром. Зайцев сказал: — Я Гоголя понимаю, стал недавно понимать, через себя. Ведь я знаю, что жизнь не такая, как я изображаю ее, а между тем иначе я не могу, без этих «акварельных тонов».

День чудесный. Внизу читала Евангелие от Матфея. [...] Сколько ни читаешь Евангелие, всегда увлекательно, и всегда черпаешь что-то новое. [...]

Приезд Бори может принести в наш дом мир. Он успокаивает и, так как в нем нет чуждости нам, то он не утомляет.

6 мая.

Письмо от Мити [Брат В. Н. — М. Г.]. [...] Диагноз: органическое заболевание центральной нервной системы. Артериосклероз головного мозга. [...]

8 июня.

[...] Поднялась до парка, а потом по нему спустилась. Прогулка взяла 3/4 часа. Для первого раза достаточно.

3 дня и 2 ночи мы с Яном были одни. Мне понравилось. Какая-то свобода. [...]

Марга у нас третью неделю. Она нравится мне. [...] Можно с ней говорить обо всем. С Галей у нее повышенная дружба. Галя в упоении и ревниво оберегает ее ото всех нас. [...]

14 июня.

[...] третий день нет писем от Мити. Я сама не своя. [...] Убивает меня его атеизм. Молюсь все, чтобы Бог просветил его. [...]

Марга довольно сложна. Я думаю, у нее трудный характер, она самолюбива, честолюбива, очень высокого мнения о себе, о Федоре [Ф. Степун, философ и писатель. — М. Г.] и всей семье. [...] Но к нашему дому она подходит. На всех хорошо действует ее спокойствие. [...] Ян как-то неожиданно стал покорно относиться к событиям, по крайней мере по внешности. [...]

15 июня.

[...] Рукье сказал, что даст ответ [относительно продажи Бельведера. — М. Г.] во вторник. Боюсь, что опять будет что-нибудь выторговывать. А весь этот торг выбивает Яна из колеи, он до сих пор не сел за писание. [...]

8 июля.

[...] Митя. То напряжение, в котором я живу в отношении его, берет у меня почти все силы. [...] Дома у нас тоже не радостно. Галя как-то не найдет себя. Ссорится с Яном, а он — с ней. Марга у нас, ждет денег. [...]

11 июля.

Вчера Ян твердо сказал, что покупает Бельведер¹. Мне страшно. Зачем себя связывать? В доме у нас нехорошо. Галя, того гляди, улетит. Ее обожание Марги какое-то странное. [...] Если бы у Яна была выдержка, то он это время не стал бы даже с Галей разговаривать. А он не может скрыть обиды, удивления и поэтому выходят у них неприятные разговоры, во время которых они, как это бывает, говорят друг другу лишнее.

23 июля.

[...] Уехала Марга. Галя ездила ее провожать до Марсея. [...] У нас поселился Капитан [Прозвище Н. Рощина. — М. Г.]. Он совершенно перековал язычок насчет большевиков: «Если все пойдет так, как теперь, то я через 2 года уеду в Россию». [...] Друг Капитана, Каменский, уже уехал туда. К. видался с Катаевым и с настоящими коммунистами. Подленький он человек, честолюбивый, злой. «У меня вся эмиграция в кармане». Ян думает, что он побрешет, побрешет, и никуда не поедет. А я не знаю. Вот эта-то подлость мне непереносима в нем. [...]

Мите значительно лучше. [...]

5 августа.

Очень недовольна собой — потеряла то, что было раньше, способность работать, много читать. [...] Раздражает меня Капитан своей подленькой сердцевиной, своим враньем. И, конечно, я не права проявлять раздражение. [...] Что бы ни было, Ян возьмет его под свою защиту. [...]

9 августа.

[...] Наконец, Ян решил ехать в Лаванду — посмотреть землю Гребенщикова. Но и тут неудача. Не звонит телефон. [...]

3 сентября.

Опять давно не открывала эту тетрадь. Живем неплохо. Лучше всех Леня: работает, иногда ездит купаться, в церковь, привозит книги. [...]

3 октября.

Галя, наконец, уехала. В доме стало пустынное, но легче. Она слишком томилась здешней жизнью, устала от однообразия, от того, что не писала. [...]

Ян очень утомлен. Вид скверный. Грустен. Главное, не знает, чего он хочет. Живет возбуждением, и от этого очень страдает.

9 ноября.

Ровно год, как раздался звонок из Стокгольма² и все завертелось. Кутерьма пошла и до сих пор мы не обрели покоя. Слава, деньги, поздравления, восторги, зависть, требования, обиды, радость, что можно помочь, огорчение, разочарование, бессилие, лесть — вот чувства, которые или мы испытали или окружающие. И все это мешалось, путалось, переплеталось, и до сих пор мы точно во сне. Это мешало сосредоточиться, работать, а тут еще горе без конца.

10 ноября.

Нынешнего года лауреат Пиранделло, Луиджи. Нам жаль, что не Валери, перед лицом искусства он выше. [...]

Последние дни все думаю о смерти. Пугает, главным образом, как без меня будут обходиться Митя, Леня и Ян. [...]

12 декабря.

Вечер. Я одна. Леня в синема. На дворе дождь. Недавно звонил Ян из Парижа. Едет завтра с Михайловым в Бельгию, Брюссель, в Антверпен, может быть, Кельн, может быть, Берлин — оттуда трудно получать деньги. Конечно, они заедут и в Геттинген³.

Я очень рада, что Ян проедется, хорошо, что с Михайловым, Яну с ним приятнее. Он не писатель. Ценит дружбу и относится без задних мыслей. Я думаю, что будет влиять хорошо. В Бельгии Ян никогда не был, новая страна, а говорят по-французски. [...]

Ян зовет меня в Париж, но может быть, без меня обойдутся. У меня как гора с плеч — не ехать, во всяком случае, до Нового года! [...]

Завтра у нас «морской обед». [...] Будут мули, лососина с майонезом и провансалем, меренги, фрукты сырые и сушеные, орехи, белое вино, коньяк. Танцы. [...]

1935

[Записей и за этот год мало. Привожу выдержки из дневника Веры Николаевны:]

21 февраля.

[...] Не хочется писать. Трудно работать. Какое-то равнодушие ко всему. [...]

Ян 29 янв. оступился, упал, повредил ногу. Три недели с лишком ухаживаю за ним, сплю в столовой. Много разговоров, бесед, споров. [...]

[Записи Бунина за 1935 и следующие довоенные годы, видимо, переписаны из дневника и сохранились в рукописи.]

8.III. 35. Grasse.

Уже пятый час, а все непрерывно идет мягкий снег — почти с утра. Бело сереющее небо (впрочем, не похоже на небо) и плавно, плавно — до головокружения, если смотреть пристально — текущая вниз белизна белых мух, хлопьев.

План ехать нам всем трем в Париж.

Разговор с Г. Я ей: «Наша душевная близость кончена». И ухом не повела.

[Вера Николаевна записывает:]

25 марта.

[...] Завтра, Бог даст, двинемся с Леней в Париж через Гренобль. Ян и Галя с 15 марта там. [...] Леня едет из Парижа в Прибалтику¹.

8 июня.

Я совершенно потеряла вкус записывать. Чувствую себя ужасно. Вчерашнее известие о смерти Амалии [А. О. Фондаминской. — М. Г.] было последней каплей. Я, конечно, очень переволновалась за Митю. [...]

19 июня.

[...] Завтра приезжает Марга. Бог даст, будем жить хорошо. Галя поправится. Ян втянется в работу, а я отдохну, уединюсь. [...]

Была Иванжина. Ужасно тяжело. Им необходимы деньги, а я не в состоянии помочь. И так никуда не езжу, ничего себе на лето не купила, кроме туфель. [...]

Письмо Яну от Зайцева [Б. К. Зайцев. — М. Г.]: 10-го уезжают в Финляндию. Фондаминский только и говорит, что о России, о большевиках, виделся с Алешкой [А. Н. Толстым. — М. Г.]. Передал Боре, что Толстой хочет с ним повидаться. Зайцев отказался.

Плох Куприн. Можно ожидать всякого исхода.

Бальмонт в лечебнице, живет в саду во флигельке, завел роман с 75-летней больной, дружит с франц. поэтом, который доказывает свои права на франц. престол. Бальмонт полез на дерево, чтобы лучше слушать соловья, но «по случайной неосторожности» поэт упал и повредил себе ногу (рассказ Елены). [...]